

**МАЙАРАНА
МИСТЕРУ**

**ПОПАДАНКА В
ЗЛОДЕЙКУ**

ЖАТВА ИМПЕРАТОРА

Майарана Мистеру Попаданка в злодейку. Жатва императора

<https://litres.ru/74345928>

Аннотация

СКИДКА 10% по промокоду НОВИНКА26

Смерть на собственной свадьбе должна была стать финалом, но стала лишь началом кошмара. Я попала прямиком в чужое тело, которое три дня пытали, а потом приволокли к алтарю. Мой муж? Император. Властный, до жути красивый и до тошноты пронизательный. Он ждет смиренную жену, а я умею только скалить зубы. И теперь мне предстоит играть роль местной злодейки, на которую у каждого свои планы, и молиться, чтобы мой новоиспеченный тиран не разгадал мой главный секрет: его жена — самозванка.

Содержание

1	4
2	9
3	13
4	17
5	21
6	25
7	29
8	33
9	38
10	44
11	48
12	53
13	57
14	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

1

Тело, как сплошной, ноющий синяк. Такое чувство, будто меня три дня методично швыряли на скалы. Что, в общем-то, недалеко от истины. Только швыряли не на скалы, а под кулаки тех, кто жаждал видеть меня у алтаря.

Меня ли?

Хороший вопрос. Эти нелюди понятия не имели, кто я такая. Да я и сама с трудом понимала.

Я пыталась вспомнить, что произошло и отчасти мне это удалось. Воспоминания вспыхивали болезненными картинками. Вот я в белом, но совсем другом платье, легком, почти невесомом. Несусь по асфальту, ломая каблуки и не обращая внимания на гудки машин. Сбегаю от собственного женишка-кретина, который умудрился притащить на нашу свадьбу свою любовницу. А та, не обремененная интеллектом, решила, что лучшего места, чем дамская комната, для рассказа о пикантных подробностях их интрижки просто не найти.

Диагноз: клиническая идиотка.

А потом... потом был только визг тормозов, разрывающий мир на до и после. Кажется, я умерла. Наверное, водителю влетело за мою смерть под колесами его авто. Впрочем, на тот момент мне было все равно.

И вот я здесь.

Стою перед алтарем в тяжеленном платье, которое мама-

ша Селесты, прежней владелицы этого тела, выбрала до ее первой, неудачной попытки сбежать из-под венца.

Лицо скрыто плотной фатой, и за это я была безмерно благодарна. Не хватало еще, чтобы все пялились на «карту боевых действий», которую оставил на мне Вэйзер, отчим этого забитого тела. Он-то привык, что Селеста терпит побои молча. Но мегера Марина Зубарева — это вам не забитая сиротка. На память этому козлу остались не только следы моих зубов, но и глубокие борозды от ногтей на его холеной роже. Правда, теперь ощущения были такие, будто меня старательно утрамбовывали в этот проклятый свадебный наряд ногами.

Рядом со мной возвышался... кто бы вы думали? Целый император! Мой... женишок. Даже мысленно это слово отдает горечью прокисшего вина.

Жрец монотонно гнусавил что-то о священных узах, моей вечной преданности мужу и империи. Бла-бла-бла... его голос тонул в вязком тумане боли и безразличия. Я старалась отключиться, но отдельные фразы пробивались, как комариный писк.

— ...верность своему государю превыше всего...

Какая ирония! Если бы императору действительно было так важно, чтобы весь мир знал о нашем браке, что ж мы тогда делаем на этой тайной церемонии в полутемном храме? В компании «самых близких»? Если, конечно, можно назвать близкими тех, кто с легкостью продал меня за горстку поли-

тических бонусов.

Наконец жрец закончил и воздел руки к алтарю.

— Да благословит небо этот союз!

Небольшая статуэтка на алтаре вспыхнула мягким голубым светом, и в тот же миг по сердцу мазнуло что-то чужеродно-теплое. Ощущение было навязчивым, липким, будто чьи-то невидимые пальцы пытались пригладить взъерошенные перья моей души. Успокоить, утешить...

Дрянь какая-то. Утешить они меня вздумали! Просто магия. Наверняка какое-нибудь заклинание покорности для строптивой невесты. Или вечная привязка. В любом случае, ничего хорошего мне это не сулит.

Дэонар — так, кажется, звали моего новоиспеченного мужа — повернулся. Движения плавные, выверенные, хищные. Он поднял руки к моей фате, и я напряглась, как струна, готовая лопнуть. Ткань соскользнула с лица.

Император замер.

Его пальцы на миг застыли, а в глубине зрачков плеснулась непроглядная тьма. Взгляд — тяжелый, обжигающий — впился в мою разбитую нижнюю губу. Свежий подарок от отчима за последнюю попытку побега. Он медленно, почти с отвращением, прошелся по каждой царапине, каждому синяку на моем лице, словно выжигая их в памяти. Затем резко отвернулся.

— Арестовать, — голос, лишенный любых эмоций, резанул по натянутым нервам.

Приказ был отдан кому-то за моей спиной.

— Ваше величество, я могу все объяснить!.. — засуетился Вэйзер, и в его голосе впервые за все время нашего знакомства прорезались панические нотки. — Она пыталась сбежать! Неоднократно! посмотрите, что она сделала!

Это ты еще очень мало времени со мной провел, козел!

Я повернула голову, чтобы насладиться спектаклем, но Дэонар перехватил мой подбородок и властно, но на удивление бережно, развернул обратно к себе.

— Отныне, — его голос прозвучал тихо, предназначенный только для меня, — никто. И пальцем. Тебя. Не тронет.

Он смотрел прямо в глаза. Не обещал. Утверждал. Словно ставил печать на неоспоримом факте.

Ага, щас! Спаситель нашелся. Думаешь, я без тебя, такого распрекрасного, не разберусь, кому и куда идти?

Но вслух я лишь молча кивнула, не доверяя собственному голосу. Открою рот — и точно выскажу все, что думаю об этой семейке, о нем и о его империи.

И тут до меня дошло. Как обухом по голове.

Церемония окончена. Мы — муж и жена. А это значит... впереди брачная ночь. Та самая, о которой мамаша Селесты проела мне все плешь, бубня о «долге», наследниках и о том, что я должна «лежать смирно и думать об империи».

И, типа, выбора у меня нет.

Я снова посмотрела на Дэонара и с тоской подумала, что смерть под колесами автомобиля была далеко не худшим ва-

риантом в моей новой биографии.

Возможно, даже одним из лучших.

Нет, не подумайте! Этот мерзавец чертовски статен и красив. Просто беловолосый атлет, в которого наверняка влюблена добрая половина империи. Но от него за версту несет властью. Такой густой, всепоглощающей, что у меня на затылке волосы дыбом встают.

Знаем, плавали. У меня первая любовь такой природы был. Стас. Весь из себя «настоящий мужчина»: решал, в каком кафе мы сидим, какое кино смотрим, и с какими подругами мне можно общаться, а какие «плохо на тебя влияют». Сначала это казалось заботой, а потом его «я лучше знаю, что для тебя хорошо» превратилось в клетку. Закончилось все грандиозным скандалом, когда он попытался силой увести меня с вечеринки за то, что я посмела смеяться над шуткой другого парня. Доминант хренов. И вот теперь передо мной стоит такой же, только в масштабах целой империи.

Дэонар взял мою руку. Его пальцы, сухие и неожиданно теплые, сомкнулись на моем запястье. Аккуратно, почти невесомо, словно я была не его женой, а хрупкой фарфоровой статуэткой, готовой рассыпаться в пыль. Странно. От тирана, только что одним словом решившего судьбу человека, я ожидала ледяного прикосновения.

Мы двинулись к выходу из храма. Я стиснула зубы, приказывая себе не хромать. Каждый шаг отзывался вспышкой

острой боли в ребрах — прощальный подарок «заботливого» отчима. Бесполезно. Дэонар тут же сбавил шаг, подстраиваясь под мой рваный ритм. Он не смотрел на меня, но я чувствовала его взгляд, изучающий, оценивающий.

Свежий ночной воздух ударил в лицо, едва мы оказались на ступенях. После запаха дыма, травяных свечей и чужого, концентрированного страха (теперь-то я знала, чьего) это было почти блаженством.

Справа от лестницы, словно карета для особо опасных преступников, стоял черный экипаж с решетками на окнах. Двое стражников без особых церемоний запикивали внутрь извивающегося Вэйзера. Он брыкался и вопил что-то неразборчивое, пока один из стражей, очевидно, устав от этого цирка, коротко и профессионально не заехал ему кулаком под дых. Отчим сложился пополам и наконец заткнулся.

Губы сами собой растянулись в хищной, мстительной усмешке. Получил по заслугам, ублюдок.

— Селеста!

Знакомый визгливый голос заставил меня обернуться. На ступенях храма кучковалась моя новаявленная «семья». Мамаша картинно прижимала к глазам кружевной платочек, изображая вселенскую скорбь. Сестрица Ализ пожирала меня взглядом, в котором неприкрытая зависть смешивалась с ядом. А вот братец Остэр... Остэр был бледнее покойника. Он трясся, как осиновый лист, и бросал панические взгляды на черный экипаж.

Я криво усмехнулась. Засранец боится, что он следующий. И правильно боится. Этот гаденыш обожал «воспитывать» Селесту кулаками, когда отчима не было дома. Дешевый трус, самоутверждающийся за счет тех, кто слабее. Я могла бы сдать его императору одним словом. Но не стала. Пусть помучается. Пусть живет в страхе. Это будет куда слаще быстрой расправы.

Дэонар подвел меня к другой карете — с виду совершенно неприметной, черной, без гербов и позолоты. Кучер распахнул дверцу. Император помог мне подняться, и я, неосторожно откинувшись на мягкие подушки, не сдержала болезненного шипения. Ребра снова взбунтовались. Дэонар молча, без единого слова, поправил подушку у меня за спиной, устраивая ее так, чтобы я могла опереться, не задевая синяки.

Я покосилась на него. Что за игры? Только что — безжалостный судья, а теперь — заботливая нянька. Станный. Опасный.

Он сел напротив. Карета качнулась, и мы плавно тронулись. За окном проплывали унылые каменные дома и редкие фонари. Город казался серым и безжизненным — ни намека на сказочные королевства из моих старых книг.

— Почему ты пыталась сбежать? — его голос в замкнутом пространстве прозвучал неожиданно громко.

Я поджала губы. Сказать правду? «Знаете, ваше величество, я вообще-то из другого мира и как-то не горю желани-

ем выходить замуж за первого встречного тирана». Звучит как прямая заявка в дурдом.

Вспомнился старый мем про «практическое пособие, как управлять вселенной, не привлекая внимания санитаров». Вот это мой случай. Нужна была простая, банальная и железобетонная причина.

— У меня есть возлюбленный, — выпалила я первое, что пришло в голову. Безопасный вариант. У любой девчонки мог быть возлюбленный, ради которого она готова на глупости. Банально, но правдоподобно.

На его лице не дрогнул ни один мускул, но я заметила, как на скулах на мгновение проступили желваки. А потом он усмехнулся. Тихо, безрадостно, одними уголками губ.

— Ложь, — это было не обвинение, а приговор.

От ледяного спокойствия в его голосе у меня по спине пробежал холодок. Он подался вперед, и карета внезапно показалась тесной, как гроб.

— Ты думаешь, я бы согласился на этот брак, не изучив твое окружение? У тебя не было никакого возлюбленного. Никогда. А это значит, что причина твоего отчаянного побега — совсем другая. И вот это меня действительно интригует.

Браво, Мариночка, браво! Соврала про возлюбленного, а теперь даже паршивого имени придумать не можешь. Стратег от бога. Я лихорадочно копалась в пустой памяти Селесты, пытаюсь выудить хоть одно мужское имя. Конюх? Садовник? Сын лавочника? Тишина. Эта девушка жила в такой стерильной клетке, что о тайных романах не могло быть и речи.

Я вляпалась. Глупо и бездарно.

Дэонар молчал, и это молчание било по нервам. Он не торопил, не требовал ответа. Он просто смотрел. И этим своим тяжелым, ледяным взглядом словно препарировал мою душу, выискивая все крупички лжи. Когда я уже была готова от напряжения закричать, он вдруг откинулся на спинку сиденья, разрывая зрительный контакт.

— Неважно, — его голос прозвучал обманчиво-спокойно. — У нас впереди вся наша жизнь. Уверен, однажды ты сама захочешь рассказать мне, почему так отчаянно пыталась избежать этого брака.

«Ага, жди», — мысленно огрызнулась я, отворачиваясь к окну. — «Как только рак на горе свистнет, так сразу и расскажу. Если раньше не грохнут».

За стеклом проплывал унылый пейзаж: темные поля, редкие огоньки в крестьянских домишках да кривая лента до-

роги в призрачном свете луны. Красиво, наверное. Если не чувствуешь себя узницей, которую везут в личную темницу.

План побега. Мне отчаянно нужен был план. Но откуда ему взяться? Дэонар не тот человек, который оставит жену без присмотра. А если и получится сбежать — куда? Я здесь никто. Без денег, без знакомых, без малейшего понятия о географии этого мира. Это в моей прошлой жизни можно было вызвать такси. Здесь же я заблужусь в трех соснах и замерзну в первой же канаве.

Память услужливо подкинула воспоминания о последних днях в заточении. О том, как «мамаша» Селесты, захлебываясь от восторга, расписывала «великую честь» быть живым инкубатором для наследников и красивой мебелью на приемах. А потом был Вэйзер. Три дня он методично выбивал из меня покорность, требуя сотрудничать с какими-то «союзниками» при дворе. Он не говорил «заговор», трус. Он говорил «помощь в правильном понимании ситуации».

Я прекрасно понимала, что это значит. Двор — змеиное гнездо. И я окажусь прямо в его центре. Между теми, кто хочет использовать меня против императора, и самим императором.

Слишком много они все хотят от тела Селесты Грандэ. И никому нет дела до того, кто внутри.

Но они жестоко ошибаются. Они изучали с рождения тихую, забитую аристократку. Они не знают меня. И это будет их самой большой ошибкой.

Карета подпрыгнула на ухабе, и я не сдержала болезненного вскрика. Дэонар бросил на меня короткий взгляд, но промолчал. Время тянулось, как патока. Я уже начала клевать носом, убаюканная мерным покачиванием, когда мы наконец остановились.

За окном виднелось захудалое двухэтажное здание. Вывеска «Постоялый двор» жалобно скрипела на ветру.

— Переночуем здесь, — констатировал Дэонар.

Я огляделась. Тьма, поле, и больше ни черта. Идеальное место, чтобы никто не нашел мой заблудившийся в побеге труп.

Император вышел первым и подал мне руку. Я нехотя приняла ее — ноги затекли, а самостоятельно выкарабкаться из кареты в этом пыточном платье было бы проблематично. Хозяин, заискивающе кланяясь, проводил нас на второй этаж. Лестница стала для меня персональным адом. Тяжелый подол путался в ногах, фата закрывала обзор, а каждое движение отдавалось болью в ребрах.

В какой-то момент Дэонар, очевидно, устав от моего черепашьего темпа, просто подхватил меня на руки. Быстро, властно, словно я была не человеком, а мешком с картошкой. Его руки показались стальными тисками.

Я уже открыла рот, чтобы высказать все, что думаю о таком самоуправстве, но короткое, злое «тс-с» заставило меня захлопнуть его.

Он внес меня в номер и, не опуская на пол, приказал хо-

зяину приготовить ванну. Когда за трактирщиком закрылась дверь, и мы остались одни, я не выдержала.

— Может, все-таки поставите меня? — голос прозвучал на удивление твердо.

Дэонар медленно перевел на меня взгляд, но ставить на пол не торопился.

— Надо же. Мы умеем разговаривать, — в его глазах блеснул опасный огонек.

Он не сразу опустил меня. Мгновение он просто держал меня на руках, разглядывая мое лицо с таким пристальным вниманием, словно пытался прочесть на нем все мои секреты. А затем медленно, с выверенной аккуратностью, поставил на пол. Мои ноги коснулись холодных досок, и я почувствовала, как тяжелое платье осело вокруг меня, словно кандалы.

Дэонар отступил на шаг, но взгляда не отвел.

— Мне нравятся твои глаза, — произнес он тихо, и это прозвучало не как комплимент, а как констатация неоспоримого, почти тревожного факта.

Я опешила. У меня половина лица — один сплошной синяк, а он про глаза? Что за издевательство? Но что-то в его тоне подсказывало, что речь не о красоте.

За все время в этом теле я ни разу не видела своего отражения. Было не до того. Я огляделась и заметила у стены большое, в полный рост, зеркало в потемневшей от времени раме. Ноги сами понесли меня к нему.

И я замерла.

Господи.

Из зеркальной глубины на меня смотрела совершенно незнакомая девушка. Волосы — не платиновые, не седые, а именно ослепительно-белые, как первый снег в свете зим-

него солнца. Они были собраны в высокую, слегка растрепавшуюся прическу, открывая длинную шею и точеное, аристократически-бледное лицо. Высокие скулы, прямой нос, упрямо сжатые полные губы... Даже синяк на скуле и ссади-на на губе не могли испортить эту холодную, отстраненную красоту.

Но глаза...

Боже мой, глаза.

Гетерохромия. Один — пронзительно-голубой, цвета чистого льда под полуденным солнцем. Другой — ярко-желтый, словно вокруг зрачка застыло расплавленное золото. Они смотрели на меня из зазеркалья, и от этого взгляда по спине пробежал холодок. В них было что-то нечеловеческое, словно они видели изнанку мира.

Теперь я поняла, что имел в виду Дэонар. Такие глаза невозможно забыть. Даже если захочешь.

— Будто впервые видишь, — его голос за спиной прозвучал насмешливо.

Я резко обернулась. Он стоял, скрестив руки на груди, и в его взгляде читался хищный интерес.

— Свое лицо в таком состоянии — действительно впервые, — отчеканила я, вкладывая в ложь всю крупицу убедительности, на которую была способна.

Дэонар медленно подошел ближе. Протянул руку и осторожно, почти невесомо, коснулся пальцами моей щеки, обходя синяк. От этого прикосновения кожа под его пальцами

вспыхнула. Не от боли. От чего-то другого... Этот мужчина был угрозой. Не только как император, но и как... мужчина.

— Ему оторвут руки. Медленно, — тихо пообещал он, и от ледяного спокойствия в его голосе у меня по спине пробежали мурашки.

Я отшатнулась, разрывая контакт.

— Устала? — спросил он, опуская руку.

Еще бы. Я была вымотана до предела. Хотелось просто провалиться в небытие, чтобы не думать ни о нем, ни о заговорах, ни о том, в какой кошмар я угодила. Я молча кивнула.

— Тогда ванна. И отдых, — он развернулся и направился к двери, очевидно, ведущей в ванную комнату.

Я смотрела ему в спину, и у меня в голове пронеслась паническая мысль.

— Вместе? — вопрос сорвался с губ прежде, чем я успела его остановить.

Он замер у двери. Медленно обернулся и смерил меня таким взглядом, каким, наверное, смотрят на неразумное дитя. Взглядом, в котором смешались снисхождение и откровенная насмешка.

— У тебя есть возражения, жена?

«Еще какие!» — мысленно взвыла я, а взгляд метнулся к тяжелой вазе на тумбочке. Если огреть его этой штукой, меня сразу казнят? Или все-таки учтут мой новый статус?

Дэонар проследил за моим взглядом и криво усмехнулся, будто прочитал мои мысли.

— У тебя пять минут, — бросил он и скрылся за дверью.
Твою мать!

Я застыла посреди комнаты, вслушиваясь в эхо его слов. «Ванна и отдых». Не «исполнение долга». Не «брачная ночь». Просто «отдых». Это что, ловушка? Изошренная игра, в которой меня сначала обезоружат мнимым милосердием, а потом возьмут теплой? Или он действительно... просто устал?

Кто разберет этого тирана? Может, на его имперском диалекте «отдых» — это эвфемизм для чего-то особо мне неприятного.

Ноги сами понесли меня к окну. Нервно отодвинув штору, я выглянула наружу. Внизу, в призрачном свете луны, расстилался аккуратный дворик постоянного двора. Скамейки, дорожки, невысокий деревянный забор... а за ним — черная, непроницаемая стена леса. Лес манил и пугал одновременно. Свобода? Или быстрая, холодная смерть в пасти какого-нибудь зверя? В этом проклятом платье и туфельках, больше похожих на орудие пытки, я далеко не уйду.

Я обернулась, мой взгляд уперся в дверь ванной. Там тоже волк. Только этот, по крайней мере, говорящий. И теплый.

Ладно, Марина, соберись. Шаг за шагом. Сначала — избавиться от этой брони.

Я принялась стягивать с себя проклятое платье. Шнуровка на спине казалась работой безумца — узлы, затянутые с

садистским упорством, не поддавались дрожащим пальцам. Я рвала их ногтями, шипела от боли и бессилия, пока наконец тяжелая, удушающая ткань не рухнула на пол с глухим стуком. Я вздохнула с таким облегчением, будто сбросила с себя не платье, а целый год кошмара.

Под ним оказалась тонкая длинная сорочка из мягкого хлопка. В ней и пойду. Но сначала... Мой взгляд снова наткнулся на тяжелую стеклянную вазу на тумбочке. План «Б». На самый крайний случай.

Собрав всю свою волю в кулак, я толкнула дверь ванной. И замерла на пороге.

Это была не ванная. Это были какие-то древние термы. Огромная комната, выложенная гладким темным камнем, в центре которой располагался настоящий бассейн. Неглубокий, но достаточно просторный, чтобы там можно было плавать. От воды, подсвеченной десятками мерцающих свечей, поднимался густой пар, наполняя воздух ароматом каких-то трав.

И в этом бассейне, откинувшись на бортик, лежал Дэонар. К моему безмерному, оглушительному облегчению, на нем были штаны. Темные, промокшие, облепившие мощные ноги, но это были штаны. Он полулежал в воде, закинув руки на края купели, и с закрытыми глазами выглядел до странного умиротворенным. Услышав скрип двери, он лениво повернул голову в мою сторону.

— Присоединяйся, — голос был хриплым и тихим, слов-

но он приглашал меня не в ванну, а в свою тайную берлогу.

Я замялась. Купель была действительно огромной — мы могли находиться в ней, сохраняя приличную дистанцию. А вода... она выглядела как обещание рая. После всего, что пережило мое тело, горячая ванна казалась даром богов.

Медленно, опасливо, я спустилась по каменным ступенькам в воду. Она была идеальной. Горячая, но не обжигающая. Я села на противоположном от Дэонара краю, как можно дальше, и не смогла сдержать тихого стона блаженства. Тепло тут же вцепилось в ноющие мышцы, обволакивая, расслабляя, притупляя боль.

Глаза сами собой закрылись. Впервые за эти бесконечные дни я почувствовала что-то похожее на покой.

— Лучше? — его голос прорезал тишину.

Я открыла глаза. Он смотрел на меня через клубы пара. В неярком свете свечей его лицо казалось мягче, черты — менее резкими.

— Намного, — честно выдохнула я.

Он кивнул и снова закрыл глаза. Мы сидели в тишине. Снаружи доносились звуки ночи: далекий лай собаки, скрип калитки, шелест ветра. Я украдкой разглядывала его. Широкие плечи, сильные руки, длинные пальцы, расслабленно лежащие на бортике... Интересно, о чем он думает? О казне? О врагах? Или, как и я, просто наслаждается моментом тишины?

— Спрашивай, — произнес он вдруг, не открывая глаз.

Я вздрогнула.

— Что?

— У тебя на лице написано, что есть миллион вопросов.

Задавай.

Я помолчала, лихорадочно перебирая варианты. Какой вопрос не будет стоить мне жизни?

— Почему ты... так быстро приказал арестовать Вэйзера?

— наконец выбрала я самый, на мой взгляд, безопасный. Тупой, но безопасный.

Дэонар открыл глаза. В желтом, как у меня, зрачке плеснулся насмешливый огонек.

— А ты как думаешь? — спросил он, превращая мой вопрос в тест. — Скажи мне, жена, почему, по-твоему, я это сделал?

Селеста Грандэ

Он что, издевается?

Этот вопрос бился в висках набатом. Это был не диалог. Это был допрос с пристрастием, замаскированный под светскую беседу. Тест. Экзамен, от которого зависело, увижу ли я завтрашний рассвет, и я понятия не имела, какой ответ правильный. Он сидел напротив, расслабленный, как хищник в своей стихии, и терпеливо ждал, когда глупая мышь сама засунет голову в пасть.

Нужно было что-то сказать. Что-то умное, логичное, что устроило бы этого товарища с замашками тирана.

— Наверное... — я говорила медленно, тщательно взвешивая каждое слово, придавая голосу оттенок почтительно-го размышления, — это вопрос статуса. Вэйзер посягнул не на меня, а на твою волю. Никто не смеет поднимать руку на невесту императора.

Дэонар усмехнулся. Коротко, презрительно, словно я смо-розила непроходимую детскую глупость.

— Идеалистка, — бросил он с такой ледяной насмешкой, что у меня по спине пробежал холодок. — Ты действительно думаешь, меня волнует, что какой-то мелкий барон избивает свою падчерицу? Девочка, открой глаза. Если я буду вникать в каждую семейную драму, у меня не останется времени управлять государством. Ваше грязное белье — это ваше

грязное белье.

Его слова ударили, как пощечина. «Тысячи таких, как ты». Вот и все. Я была для него всего лишь статистической единицей в отчете о домашнем насилии. Досадной помехой. Вещью, которую посмели испортить до того, как он ею воспользовался.

Спасибо, ваше величество. Какое облегчение — знать свое место. Ниже плинтуса.

Я сжала кулаки под водой с такой силой, что ногти впились в ладони, оставляя кровоточащие полумесяцы. Внутри все кипело от бессильной, униженной ярости. Хотелось выплеснуть ему в лицо эту горячую воду, а потом и все, что я о нем думаю. О его цинизме, о его власти, о его безразличии.

— Как цинично, — процедила я, чувствуя, как внутри разгорается холодное пламя. — Впрочем, история учит, что когда императоры перестают замечать «грязное белье» своего народа, народ мастерит для них очень острые... национальные бритвы.

На его лице впервые отразилось удивление, тут же сменившееся острым, изучающим подозрением.

— Вэйзера арестовали не за то, что он тебя бил, — продолжил Дэонар ленивым, почти скучающим тоном, явно наслаждаясь эффектом, который произвели его слова. — Его арестовали по подозрению в государственной измене. А твои синяки... это просто удобный повод, чтобы начать допрос без лишнего шума. Приятно, когда предатели так любезно под-

ставляются сами, не находишь?

Измена.

Одно слово. А мир вокруг меня треснул, как тонкий лед, и посыпался острыми, режущими осколками.

Заговор. «Союзники» при дворе. Три дня Вэйзер методично, удар за ударом, вбивал в меня необходимость сотрудничать с ними. И теперь... теперь император знает. Он еще не знает о моей предполагаемой роли, но он уже идет по следу.

Мысли в голове превратились в панический, мечущийся рой пчел. Что будет, когда он узнает? Когда его ищейки докопаются до того, что его новоиспеченная жена — ключевая пешка в этой грязной игре? Никто не станет разбираться, заставили меня или я сама согласилась. Факт — вот что имеет значение. А факты кричали о том, что я — предательница. И меня ждет казнь. Я живо представила себе плаху, холодное лезвие топора и равнодушную толпу.

Воздух внезапно кончился. Горячий пар, который еще минуту назад казался таким приятным, теперь стал удушающим, забивая легкие. Я хватала ртом воду, но не могла вдохнуть. Мир сузился до размеров этой каменной купальни, стены которой начали давить, угрожая раздавить меня. Сердце заколотилось в ребрах, как бешеная птица, пытаясь вырваться на свободу.

— Что с тобой? — голос Дэонара прорезал туман паники, прозвучав на удивление близко.

Я отчаянно пыталась взять себя в руки. Улыбнуться. Ска-

зять, что все в порядке. Но тело меня не слушалось. Я чувствовала, как кровь отхлынула от лица, оставляя на коже ледяную испарину.

— Ничего, — прошептала я, но голос предательски сорвался, превратившись в жалкий писк.

— Ничего? — он выпрямился, и вся его расслабленность испарилась. Теперь он был похож на пантеру, готовящуюся к прыжку. Капли воды стекали с его темных волос, а глаза в свете свечей казались двумя раскаленными углями. — Ты побелела, как полотно. И не смей говорить мне, что это от горячей воды.

Его взгляд буравил меня насквозь. Я чувствовала себя бабочкой, припиленной к доске. Бежать некуда.

— Скажи мне, жена, — произнес он тихо, и от этого шепота у меня по спине пробежал лед. Он медленно, разрезая воду, двинулся ко мне. Расстояние между нами неумолимо сокращалось. Он остановился всего в полуметре, и я могла видеть, как напряглись мышцы на его плечах. — О чем именно ты подумала, когда я сказал про измену?

О чем я подумала? О том, что плаха — это, наверное, очень холодно и жестко. И что моя голова, отделившись от тела, покатится по грязным камням эшафота. Вот о чем, ваше величество.

Я судорожно поджала губы, пытаюсь запереть панику внутри, но тут же поняла свою ошибку. Его взгляд мгновенно метнулся к моему рту, зафиксировав этот жест с хищным вниманием. Браво, Марина. Теперь он будет изучать тебя под микроскопом.

Мысли метались в черепе, как обезумевшие птицы в клетке. Он может взять меня силой. Прямо здесь. В этой проклятой воде. По закону этого мира ему за это ничего не будет — законная жена, супружеский долг, бла-бла-бла. От властей ему тем более ничего не грозит, он сам власть. А вот от меня...

От меня он огребет по полной программе.

Я мысленно оценила арсенал. Ваза в спальне — тяжелая, основательная. Подсвечник у бортика купели — бронзовый, с удобным хватом. Да, он император. Но болевые точки у него там же, где и у любого смертного мужика. И если он посмеет меня тронуть, я ему эту самую «хлеборезку» так разукрашу, что придворные лекари месяц будут осколки из нее выковыривать.

От этих кроважанных мыслей по телу внезапно разлилось странное, ледяное спокойствие. Адреналин страха сменился адреналином ярости. Да, я в его власти. Но я не овца на заклание. У меня есть зубы, ногти и злость, которой хватит, чтобы сжечь дотла его хваленый дворец.

Я медленно выдохнула, чувствуя, как расправляются сведенные от ужаса плечи.

— Мне бы не хотелось, чтобы Вэйзер оказался изменником, — произнесла я, стараясь придать голосу дрожащие, испуганные нотки, как у любой нормальной девушки на моем месте. — Ведь тогда тень подозрения падет и на меня. А я... я ведь ничего не сделала.

«Пока», — мысленно добавила я. — «Но если придется выбирать между тобой и плахой, я, знаешь ли, могу и передумать».

Он смотрел на меня. Долго. Невыносимо долго. Изучал, как энтомолог изучает редкое насекомое, прежде чем проткнуть его булавкой. Я была уверена — он видит ложь. Чувствует ее, как хищник чувствует запах крови.

А затем он резко поднялся.

Вода хлынула с его мощного тела, разбиваясь о бортики купели. На мгновение я забыла, как дышать, лихорадочно оценивая расстояние до подсвечника. Сейчас. Вот сейчас он...

— Вылезай и выходи, — бросил мне вышел из воды.

Он подошел к стене и, не оборачиваясь, стащил с себя

мокрые штаны, оголив крепкий красивый зад, от которого я не могла оторвать взгляда. Затем неторопливо накинул темный халат, висевший на крючке, и методично завязал пояс.

Так. Вряд ли мужчина, планирующий страстное изнасилование, будет так основательно запаковываться в халат, верно?

Он вышел, так и не сказав больше ни слова, оставив меня одну в клубах пара и собственных панических мыслей.

Я подождала минуту, прислушиваясь к тишине. Затем тоже выбралась из воды. Мокрая сорочка противно липла к телу, и я, недолго думая, сорвала ее с себя и швырнула на пол. На соседнем крючке висел еще один халат — белый, мягкий, пушистый. Я закуталась в него, затянув пояс так туго, будто он мог защитить меня от всего мира.

Минут пять я просто стояла посреди ванной, бессмысленно глядя на мерцающие свечи. Нужно было успокоиться. Взять себя в руки.

Дышать. Думать. Выживать. Именно в таком порядке.

Я не могу вечно прятаться здесь. Рано или поздно придется выйти. И лучше встретить опасность лицом к лицу.

Собрав остатки своей потрепанной смелости в кулак, я толкнула тяжелую дверь и шагнула в спальню.

Дэонар сидел в массивном кресле у камина, в котором уже весело потрескивали поленья. Он не смотрел на меня. Тени от пламени плясали на его лице, делая его черты то хищными, то отстраненными. В руке он держал маленькую стек-

лянную баночку и медленно поворачивал ее, разглядывая на свету.

Моя первая паническая мысль была совершенно идиотской:

«Только не говорите мне, что это лубрикант! Потому что если это какой-нибудь дорогуший крем от морщин, то какого черта он не на его холеной имперской роже?»

Дэонар Софоро

Дэонар кивнул куда-то в пространство перед собой, не отрывая гипнотического взгляда от огня. Только тогда я заметила невысокий пуфик, обитый бархатом цвета ночного неба. Его не было здесь раньше. Значит, пока я отмокала в ванной, кто-то вошел и приготовил это... лобное место.

— Садись, — приказал он. Голос был ровным, лишенным эмоций. Таким тоном отдают приказы мебели, чтобы та подвинулась.

Каждая клетка моего тела взывала от тихого, яростного бунта. Садись. Вот так просто. На маленький пуфик у его ног. А что дальше? Положить голову ему на колени, как верная собачонка? Распахнуть полы халата, демонстрируя покорность? Нет уж, увольте.

— Не буду, — отрезала я, скрещивая руки на груди. Защитный жест. Жалкий, но единственное, что я могла себе позволить.

Комната утопала в полумраке, нарушаемом лишь пляшущими тенями от камина. Пахло дымом, воском и горьковатыми травами, чей аромат все еще витал в воздухе после ванны. Уютный, домашний запах, который сейчас казался издевательством.

Дэонар наконец медленно повернул голову. Пламя отразилось в его глазах, и на мгновение мне показалось, что я

смотрю в два раскаленных золотых зрачка.

— Не вынуждай меня повторять, — голос упал на октаву ниже, став похожим на скрежет льда.

— А то что? Силой заставишь? — я упрямо вросла ногами в пол, хотя все инстинкты кричали: «Беги!».

Он медленно, с ленивой грацией хищника, поднялся с кресла. Его темный халат распахнулся, обнажив рельефную мускулистую грудь и плоский живот. Я поспешно отвела взгляд, чувствуя, как щеки заливает краска. В руке он все так же держал эту проклятую стеклянную баночку.

— Ты действительно считаешь, что мне интересно бросаться на загнанную в угол мышь? — в его голосе прозвучало откровенное презрение.

«Загнанная в угол мышь»? Ну спасибо за комплимент, ваше величество.

— Тогда чего ты от меня хочешь? — выдавила я, проклиная предательскую дрожь в голосе.

Он сделал шаг ко мне. Потом еще один. Комната внезапно стала крошечной. Я ощутила жар, исходящий от его тела, — остаточное тепло после горячей воды. Он навис надо мной, заставляя задрать голову.

— Мне нет дела до твоих детских страхов, — произнес он равнодушно. — Просто делай, что я говорю, и все будет хорошо.

— А если не буду?

— Будешь.

Это короткое слово прозвучало как щелчок затвора. Но я не сдвинулась с места. Упрямство было единственным оружием, которое у меня осталось.

Дэонар тяжело вздохнул. Это был вздох человека, смертельно уставшего от чужой глупости.

— Селеста, — он впервые назвал меня по имени, и от этого у меня по спине пробежал холодок. — В данный момент у меня нет ни малейшего желания тащить тебя в постель. Однако спать рядом со мной тебе придется. В одной кровати. И это не обсуждается.

Он поднял баночку на уровень моих глаз. В свете камина я смогла разглядеть густую зеленоватую жидкость внутри.

— Это мазь, — пояснил он, заметив мой взгляд. — От синяков и ссадин. Если не обработать их как следует, могут остаться шрамы.

Я остолбенела. Мазь? От синяков? А я-то уже успела вообразить...

— Ты... хотел меня лечить? — вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать.

— Очевидно, — он с щелчком открыл крышку, и по комнате разнесся резкий, мятно-травяной запах. — Теперь сядь. И перестань видеть в каждом моем действии угрозу. Это утомляет.

Чувствуя себя последней идиоткой, я медленно опустилась на унижительный пуфик.

Дэонар встал прямо передо мной, а я задрала голову и за-

вороженно усталилась на него. Свет камина подсвечивал его волосы, делая их похожими на стекающую лаву.

Он зачерпнул пальцем немного мази и осторожно коснулся моей щеки.

— Больно?

— Терпимо, — солгала я, закусив губу. На самом деле было очень больно.

Мазь была холодной, а его палец — обжигающе горячим. Этот контраст заставил меня затаить дыхание. Он медленно, почти нежно, втирал мазь в кожу, и я почувствовала, как боль под его прикосновением отступает, сменяясь легким онемением.

— Лучше? — его голос прозвучал тише, почти без металла.

Я смогла только кивнуть. Его близость сбивала с толку. Его прикосновения были слишком осторожными для тирана.

— Собери волосы, — приказал он. — На плече тоже есть след.

Я послушно убрала волосы, морщась от боли в области ребер чувствуя, как мягкая ткань халата соскальзывает с плеча, открывая синяк. Его пальцы снова коснулись моей кожи, на этот раз увереннее, дольше. Я думала, на этом все закончится.

Но его рука скользнула ниже, к лопаткам, пальцы сомкнулись на воротах моего халата. И одним резким, но выверен-

ным движением он дернул ткань вниз, полностью обнажая мою спину до самой поясницы.

Да ты никак самоубийца, император?!

Я дернулась так резко, что едва не свалилась с пуфика. Инстинкт, животный, первобытный, заставил попытаться вскочить, прикрыться, но его рука — тяжелая, горячая — легла мне на плечо, пригвоздила к месту.

— Ты ох...

— Не дергайся, — голос сочился ледяной насмешкой. — Или ты думала, я обработаю царапину на твоей щеке, а на это решу закрыть глаза?

Я с такой силой стиснула зубы, что в ушах зазвенело.

Сволочь властная! Неандерталец! Он должен был спросить! Хотя бы сделать вид, что мое мнение имеет значение!

Его пальцы, покрытые холодной мазью, коснулись моей спины. И я замерла. Прикосновение было до странного осторожным. Он не просто размазывал мазь, а медленно, сантиметр за сантиметром, проходил по каждому ушибу, каждому кровоподтеку. Холод от мази проникал вглубь, гася тупую, ноющую боль, и от этого контраста — его властного жеста и неожиданно целительного прикосновения — у меня в голове случилось короткое замыкание. Совесть? Нет, не совесть. Скорее, злость на саму себя за то, что эта забота, пусть и продиктованная одному ему известными мотивами, приносила такое отчаянное облегчение.

— Завтра будет легче, — тихо произнес он, и его голос,

лишенный металла, прозвучал прямо над моим ухом. — А через три дня и следа не останется.

— Откуда такая уверенность? — хрипло спросила я, торопливо запахивая халат.

— Опыт, — коротко бросил он, и в этом слове было столько всего, что я предпочла не уточнять.

В дверь постучали. Три тихих, почтительных стука.

— Войдите.

В комнату, сгибаясь в три погибели, вошел хозяин, а за ним — двое слуг с подносами. В ту же секунду спальню наполнил такой густой, такой сводящий с ума аромат жареного мяса, печеных овощей и свежего хлеба, что мой желудок издал громкий, протестующий рык. Я поняла, что умираю от голода.

Слуги, не поднимая глаз, бесшумно накрыли на небольшой столик у окна. Белоснежная скатерть, простая, но начищенная до блеска посуда, тяжелые серебряные приборы. Вся эта сцена казалась сюрреалистичной.

— Простите за скромный ужин, господин, — лебезил трактирщик. — Повара уже отпустили, а так поздно мы обычно...

— Все в порядке, — перебил его Дэонар. — Можете идти.

Когда за ними закрылась дверь, я не могла отвести взгляда от стола. Жареная курица с золотистой, хрустящей корочкой, румяный картофель, сыр, масло... Это была не еда. Это было спасение.

— Голодна? — в его голосе проскользнула тень усмешки.

— Да, — честно призналась я.

— Тогда ешь.

Я села за стол, чувствуя себя полной идиоткой. Ужин при свечах. В одном халате. С мужем-императором, которого я немногим ранее готова была прибить вазой. Абсурд.

Дэонар налил в два кубка темно-красный напиток и пододвинул один ко мне. Затем, взяв нож и вилку, отрезал самый большой кусок курицы и положил мне на тарелку. Добавил овощей. Себе наложил еды чисто символически.

Я набросилась на еду, как дикарка. Курица таяла во рту, овощи были сладкими, а морс — это оказался он — оказался мне амброзией.

— Когда ты ела в последний раз? — спросил он, наблюдая за мной с непроницаемым выражением лица.

Я попыталась зацепиться за воспоминания, но они рассыпались, как гнилая ткань. Память о последних днях была нечеткой, смазанной, как акварель под дождем. Боль, липкий, всепоглощающий страх, темнота комнаты, где меня держали... Время потеряло свои очертания, превратившись в вязкую, тягучую массу, состоящую из унижения и глухой, нарастающей ярости. Дни и ночи слились в один сплошной кошмар.

— Позавчера. Кажется, — пробормотала я с набитым ртом. — Или вчера. Не помню.

— Понятно.

Он больше ничего не сказал, только молча пододвинул ко мне блюдо с сыром и долил в кубок морс. Мы ели в тишине, нарушаемой лишь треском дров в камине и далеким уханьем совы за окном.

— Завтра будем в столице, — произнес он так же буднично, как говорят о погоде.

Я поперхнулась.

— Завтра?

— До дворца отсюда полдня пути. К вечеру будем дома.

Дома. Он сказал «дома». Для меня же это слово прозвучало как «тюрьма». Улей, кишачий ядовитыми змеями, которые только и ждут, чтобы вцепиться в новую игрушку императора.

— И что меня там ждет? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

Дэонар отложил вилку.

— Жизнь, — просто ответил он.

— И все?

— Не совсем, — он сделал глоток из своего кубка, глядя на меня поверх края. — Официально ты моя жена, и узкий круг лиц будет об этом знать. Для всех остальных ты станешь моей личной помощницей. Будешь жить в смежных со мной покоях, чтобы всегда быть под рукой.

Я замерла, держа в руке куриную ножку.

— Помощницей? В смежных покоях?

Он молча смотрел на меня, словно давая время осознать

услышанное.

— Какую именно часть моего гениального плана ты не поняла? — в его голосе снова зазвенела насмешка.

— Ту, — выдохнула я, — где я живу рядом с тобой.

— У тебя будут определенные... обязанности, — медленно проговорил он. — Но об этом мы поговорим позже.

Меня бросило в холодный пот. Обязанности. Какое же мерзкое, липкое слово. В моей голове оно тут же обросло плотью, превратившись в единственно возможное для жены императора — наследники. И следом, как ядовитый плющ, вполз елейный голос «мамаши» Селесты: «Твой долг, девочка, — рожать здоровых сыновей. Лежать смирно и думать о величии империи».

Думать об империи! Конечно! О чем же еще думать, когда тебя используют как племенную кобылу? Визуализировать новые завоевания, пока он пыхтит сверху, выполняя свою часть «долга»? Спасибо, я лучше подумаю о том, в какую часть его имперского тела удобнее всего вонзить этот столовый нож.

— А если я откажусь? — процедила я, чувствуя, как внутри все сжимается в боевую пружину.

Дэонар посмотрел мне прямо в глаза, и улыбка медленно исчезла с его лица. Он вытер губы салфеткой, встал из-за стола и подошел к окну, глядя в ночную тьму.

— Скажем так, — произнес он, не оборачиваясь, и его голос прозвучал тихо, но окончательно. — Я бы с радостью

предоставил тебе право выбора. Но, к несчастью для нас обоих, его у нас нет. Ни у тебя, ни у меня.

Дэонар отошел от окна, и на его лице застыло выражение человека, которому до смерти надоело объяснять очевидное первокласснику.

— Пора спать, — констатировал он. — Завтра будет долгий день.

Мой взгляд невольно метнулся к кровати. Она занимала половину комнаты, доминируя над пространством. Огромная, из темного, почти черного дерева, с резными столбиками, уходящими в полумрак потолка. Это было не ложе, а трон. Или алтарь для жертвоприношений.

— Я прекрасно обойдусь креслом, — отчеканила я, кивнув на массивное кожаное кресло у камина.

— Нет, — отрезал он. — Не обойдешься.

— Почему же? — я медленно поднялась из-за стола, принимая боевую стойку. — Кресло выглядит вполне удобным. Я, знаете ли, не избалована роскошью.

Дэонар медленно, с ленивой грацией хищника, повернулся ко мне. Тени от камина плясали на его лице, то погружая его черты во мрак, то выхватывая из темноты острые скулы и жесткую линию подбородка.

— Потому что ты моя жена, Селеста. А жены спят в одной кровати со своими мужьями.

— А мужья иногда вспоминают о таком понятии, как де-

ликатность, — парировала я, чувствуя, как внутри закипает злой азарт.

— Деликатность? — он криво усмехнулся. — Ты хочешь деликатности?

— Я хочу, чтобы ты вел себя как разумный человек, а не как пещерный тиран.

— Разумный муж не позволит своей жене ночевать в кресле в первую брачную ночь.

Брачная ночь. Он произнес это так буднично, будто обсуждал погоду, но слова повисли в воздухе, тяжелые и липкие, как паутина.

— Тогда спи на полу, — предложила я. — Будь разумным мужем.

Его глаза опасно сузились.

— Я не сплю на полу. Так что у нас два варианта: либо ты идешь в кровать добровольно, либо я тебя туда отношу. Выбирай.

В комнате стало тихо. Слышно было лишь, как потрескивают дрова в камине да завывает ветер за окном.

— Есть третий вариант, — я скрестила руки на груди, вкладывая в этот жест все свое упрямство. — Ты оставляешь меня в покое.

— Такого варианта не существует.

— Существует.

— Нет.

Мы буравили друг друга взглядами, и воздух между нами,

казалось, звенел от напряжения. Я чувствовала, как по спине ползет холодок, но держалась. Не отступлю. Ни на шаг.

Дэонар двинулся ко мне. Медленно, не сводя глаз, словно хищник, загоняющий добычу. В его золотом зрачке плескалась тьма.

— Селеста, — его голос упал до тихого, угрожающего шепота. — Не испытывай мое терпение.

Я сжала кулаки с такой силой, что ногти впились в ладони.

— А если испытаю?

Он остановился в шаге от меня. Воздух вокруг него, казалось, сгустился, стал тяжелым, давящим.

— Тогда ты об этом очень сильно пожалеешь, — прошептал он.

И в следующую секунду он сорвался с места.

Я не успела даже вскрикнуть. Все произошло молниеносно. Его руки подхватили меня, одна под коленями, другая — стальным обручем — за спину, и я оказалась прижата к его твердой, горячей груди.

— Отпусти! — зашипела я, упираясь ладонями в его плечи и пытаясь вырваться. Тщетно. Его хватка была железной. — Сейчас же отпусти меня!

Он молчал. Он просто нес меня к кровати, будто я была не человеком, а трофеем. Я молотила его кулаками по груди, пыталась лягнуть, укусить — безрезультатно.

— Псих! Тиран! Ненавижу! — выкрикивала я, захлебываясь от ярости и бессилия.

Он швырнул меня на кровать. Мягкий матрас пружинисто принял мое тело, но я тут же, как кошка, перевернулась, собираясь вскочить. Не успела. Одним резким движением он сорвал с кровати тяжелое шерстяное одеяло и туго спеленал меня до самой шеи, оставив снаружи только голову.

— Ты что творишь?! — зашипела я, извиваясь в шерстяных тисках и пытаюсь освободить хотя бы руки.

— Угомонись, — бросил он, и я почувствовала, как он ловко и туго заворачивает меня в одеяло, превращая в беспомощный кокон.

— Не угомонюсь! Слышишь?! Никогда!

Движение прекратилось. Он замер, и я, задыхаясь, почувствовала, как его рука легла мне на голову, а пальцы властно, но без боли, сжались на волосах.

— Если ты не замолчишь, — его голос прозвучал тихо, но от этого шепота у меня кровь застыла в жилах, — я разверну тебя, привяжу твои руки к изголовью, а ноги — к столбам кровати. Это будет очень уязвимая и унижительная поза, Селеста. И тогда, обещаю, ни о какой деликатности речи уже не пойдет.

Я замерла, перестав дышать. В наступившей тишине был слышен только треск огня в камине.

— Выбор за тобой, — добавил он так же тихо. — Либо ты лежишь спокойно, либо я делаю то, что обещал.

Я лежала в своем унижительном шерстяном коконе, ощущая себя экспонатом в кунсткамере, и лихорадочно взвешивала варианты. Продолжать брыкаться? Он не шутил насчет веревок, этот псих был более чем способен на такое. Замолчать и проглотить обиду? Тоже вариант, но яд собственного бессилия грозил сжечь меня изнутри.

Нет. Молчать я не буду.

— Прекрасно, — произнесла я, стараясь, чтобы голос звучал как можно более ровно и холодно. — Ты победил. Поздравляю с блестящей военной операцией против безоружной женщины. Можешь выдать себе медаль.

Дэонар, который уже успел отойти от кровати, усмехнулся.

— Благодарю за признание моего тактического превосходства.

— О, что вы, ваше величество. Это была воистину впечатляющая демонстрация силы. Уверена, ваши полководцы рыдали бы от восторга, наблюдая за этим гениальным маневром.

Он остановился у комода и, не обращая внимания на мой сарказм, принялся развязывать пояс халата. Я поспешно отвернулась, уставившись в противоположную стену.

— Продолжай, — донесся до меня его равнодушный го-

лос. — Твоя злость меня забавляет.

— Безмерно рада служить развлечением для моего императора. Надеюсь, представление оправдывает стоимость билетов.

— Более чем.

Тихий шорох падающей на пол ткани заставил меня зажмуриться. Отлично. Теперь он голый. А я лежу тут, спеленутая, как рождественская индейка. Идеальная брачная ночь.

— Скажи, Селеста, — его голос приблизился. — Ты всегда была такой ядовитой или это благоприобретенное качество?

— А ты всегда был деспотичным тираном или это побочный эффект от ношения венца?

— Всегда, — ответил он с ноткой неприкрытой гордости.

Кровать ощутимо прогнулась под его весом. Он лег рядом, и я почувствовала волну жара, исходящую от его тела. Слишком близко. Недопустимо, невыносимо близко.

— Если ты сейчас посмеешь... — прошипела я.

— Посмею что? — в его голосе плескалась откровенная насмешка.

— Ты прекрасно понимаешь, что.

— Нет, не понимаю. Объясни мне.

Я стиснула зубы. Он издевается. Заставляет меня произвести это вслух, чтобы насладиться моим унижением.

— Воспользоваться ситуацией, — процедила я.

— Какой именно? — он явно получал садистское удовольствие. — Той, в которой ты лежишь, завернутая в одеяло, как гусеница? Какой ситуацией я могу воспользоваться, Селеста?

— Дэонар...

— Я устал. И просто хочу спать. А ты можешь продолжать свои монологи хоть до утра. Мне не мешает.

Он потянулся, и я услышала, как он задул пламя свечи на прикроватной тумбочке. Комната погрузилась в полумрак, освещаемый лишь догорающим огнем из камина.

— Спокойной ночи, жена, — произнес он с издевательской нежностью.

Я молчала. Что тут ответишь? «И тебе не сдохнуть во сне, муж»?

Через несколько минут его дыхание стало ровным и глубоким. Он уснул. Просто взял и уснул, оставив меня наедине с моим бешенством в унижительном коконе из одеяла.

Постепенно ярость начала отступать, уступая место всепоглощающей усталости. День был бесконечным. Свадьба, дорога, эта нелепая борьба... Глаза начали слипаться против моей воли. Теплый тусклый свет из камина и мерное дыхание мужчины рядом действовали как колыбельная. Последней моей мыслью было то, что я ненавижу его. А потом я провалилась в темноту.

Пробуждение было медленным, ленивым. Первое, что я

осознала — тепло. Приятное, обволакивающее тепло со всех сторон. Второе — я больше не в коконе. Одеяло было отброшено в сторону.

Третье — меня кто-то крепко обнимал.

Я замерла, боясь вздохнуть. Тяжелая мужская рука лежала у меня на талии, прижимая мою спину к широкой, горячей груди. Чье-то ровное дыхание щекотало кожу на затылке.

Дэонар.

Мой мозг взорвался паникой. Как?! Когда я засыпала, между нами было расстояние. Теперь же мы лежали, переплетясь ногами, как пара давних любовников. Я чувствовала тепло его кожи через тонкую ткань своей сорочки.

Я осторожно, миллиметр за миллиметром, попыталась отодвинуться, но его хватка тут же стала крепче. Во сне он притянул меня еще ближе, и я почувствовала, как его губы коснулись моей шеи.

— Не двигайся, — пробормотал он сонным, хриплым голосом.

Сердце пропустило удар. Он проснулся?

— Отпусти, — прошептала я.

— Нет, — его голос был странным. Мягким, почти нежным.

— Дэонар...

— Тихо...

Его рука медленно скользнула с талии на мой живот, прижимая еще плотнее. Я ощущала каждый мускул его тела. И

что-то еще, твердое и горячее, упирающееся мне в поясницу, от чего щеки вспыхнули огнем.

— У-убери руки — выдохнула я, готовясь их ему оторвать.

Вместо ответа он уткнулся лицом в мои волосы и глубоко, шумно вдохнул их запах.

— Инес... просто лежи спокойно... — прошептал он так тихо, что я едва разобрала слова.

Инес. Какая-то Инес. Да хоть Медуза Горгона — плевать.

Сейчас меня волновало не чужое имя, прошептанное в полусне, а вполне себе реальная, тяжелая мужская ладонь на моем животе. И наглое, горячее тело, вжимающее меня в перину так, будто оно на то хоть какое-то право имело!

Это было вторжение. Нарушение всех мыслимых и немыслимых границ. Бесцеремонное присвоение моего личного пространства!

Я дернулась, как от удара тока, готовая развернуться и оставить на наглой имперской физиономии пару памятных автографов ногтями. Но в этот самый миг в дверь грохнули. Не постучали — именно грохнули. Три резких, отрывистых удара, короткая пауза, и еще три.

Дэонар проснулся мгновенно. Сонная, почти нежная дымка слетела с него, как маска, обнажив хищника. Ледяного, собранного, опасного. Его рука исчезла с моего живота, жар его тела отхлынул. Кровать качнулась — он бесшумно, как пантера, соскользнул с нее.

— Проклятье, — в голосе ни следа утренней хрипотцы. Только сталь.

Краем глаза я видела, как он одним плавным движением запахивает халат. Затем обернулся, и его колющий взгляд пригвоздил меня к кровати.

— Не двигайся, — приказ, не терпящий возражений. И прежде чем я успела что-либо подумать, он накинул на меня одеяло.

Стук повторился. Настойчивее. Требовательнее.

Дэонар рванул дверь на себя.

На пороге стоял высокий мужчина в темной дорожной одежде. Иссиня-черные волосы, такие же темные, непроницаемые глаза и лицо породистого хищника. В руках он держал сверток. Его взгляд молнией пронесся по комнате, на долю секунды зацепился за меня — оценивающе — и вернулся к императору.

— Рэйв, — холодно процедил Дэонар. — Для верного пса ты слишком долго гонялся за дичью.

Незнакомец криво усмехнулся, обнажив клык.

— Дичь оказалась пугливой. Пришлось немного поплутать, чтобы не оставить следов для других охотников.

— И?

— Все готово.

Рэйв снова впился в меня взглядом. Таким неприятным, буравящим, что у меня по спине пробежал ледяной холодок.

— Она поразительно похожа, — произнес он наконец, и его тихий, глубокий голос заставил меня замереть.

Атмосфера в комнате треснула. Дэонар напрягся всем телом.

— Заткнись. — Два слога, прозвучавшие как удар хлыста.

— Прости, — Рэйв лениво пожал плечами, но взгляда не

отвел. — Просто... одно лицо.

— С кем?! — мой голос сорвался, прозвучав резче, чем я хотела. Но молчать я не собиралась.

Пауза затянулась, становясь почти осязаемой.

— Неважно, — отрезал Дэонар, поворачиваясь к мужчине. — Докладывай.

— Карета внизу, — Рэйв протянул сверток. — Чистая одежда. Если выедем сейчас, к полудню будем во дворце.

— Хорошо. — Дэонар забрал сверток из его рук. — Полчаса на сборы.

Рэйв кивнул и уже было направился к выходу, но на пороге замер, бросив на меня последний, тяжелый взгляд. В его темных глазах плескалась тревога.

— Дэонар, — сказал он тихо, не сводя с меня глаз. — Уверен, что это не создаст проблем? Новых проблем.

Император молчал, испепеляя его взглядом.

— Ригида, конечно, будет рада. Да и остальные...

— Рэйв, — в голосе моего мужа зазвенел лед. — Не. Продолжай.

Темноволосый поднял руки в примирительном жесте и, качнув головой, скрылся за дверью. В комнате повисла гнетущая тишина, густая, как кисель.

Не говоря ни слова, Дэонар развернул сверток. Темные штаны, белая рубашка, кожаная безрукавка. Пока он быстро и четко одевался, я чувствовала, как внутри закипает любопытство.

— Кто такая Инес?

Он замер, застегивая пряжку ремня. Медленно обернулся. Его взгляд был острым, как скальпель.

— Откуда это имя?

— Ты звал ее во сне.

На его лице не дрогнул ни один мускул, но я видела, как на скулах заходили желваки. — Забудь, — отчеканил он. — И больше никогда не произноси это имя.

— Почему? Это твоя любовница? — я решила, что имею право знать имя той, что в будущем, вероятно, попытается выцарапать мне глаза или подсыпать яд в вино.

— Она мертва, — бросил он с таким холодом, что у меня все внутри заледенело. — Мертва. И это все, что тебе нужно знать.

Он бросил мне сверток.

— Одевайся. У нас мало времени.

Я развернула ткань. Дорожное платье без изысков и мягкие тряпичные туфли. Императорской роскошью и не пахло.

— Отвернись.

Кривая усмешка тронула его губы, но он молча отвернулся к окну. Я пулей выскользнула из халата и натянула на себя это недоразумение.

— Готово.

Мы вышли в пустой коридор. У крыльца нас ждала неприметная черная карета без гербов. Полная анонимность. Дэонар помог мне забраться внутрь, и я утонула в темно-красном бархате салона. Он сел напротив. Карета тронулась.

Я смотрела, как за окном проплывает чужой мир, и понимала: с каждым оборотом колеса я лечу напрямик в змеиное гнездо. В логово заговора против мужчины, который сидит напротив. И я — между молотом и наковальней.

Он молчал, прикрыв глаза. Но я видела, как подрагивают его пальцы, отбивая на подлокотнике какой-то нервный ритм.

Прошел час. Или вечность. Я уже начала проваливаться в дрему, когда землю сотряс гул. Низкий, нарастающий. Топот множества копыт. И он стремительно приближался.

Дэонар распахнул глаза. Вся расслабленность слетела с него вмиг. Он превратился в натянутую стальную струну.

— Что там?! — рывкнул он кучеру. — Всадники, господин! Догоняют!

Резкий рывок. Карета встала как вкопанная. Снаружи — дикая какофония: лязг стали, яростные крики, ржание лошадей. Нас взяли в кольцо.

Дэонар вылетел из кареты одним плавным, смертоносным движением. Я вжалась в окно. Вокруг нас кружили всадники в черном, лица скрыты масками. Один из них замахнулся мечом...

И тут руки Дэонара вспыхнули.

Не метафорически. Буквально. Его ладони окутало ледяное, потустороннее голубое сияние. Он вскинул руку, и с его пальцев сорвался сгусток света. Нападавшего отшвырнуло от лошади, словно тряпичную куклу. Он рухнул на землю и больше не шевелился.

Магия. Настоящая, мать ее.

То, что последовало дальше, было похоже на смертельный танец. Дэонар не сражался, он струился между врагами, уклоняясь от ударов с нечеловеческой грацией. Его тело было оружием, а руки — продолжением его воли. Голубое сияние пульсировало, становясь то ярче, то тусклее. Касание — и всадник летит с седла. Взмах — и лошадь в панике встает на дыбы. Это было жутко. И завораживающе.

Кровь. Брызнула первая кровь, и я отвернулась. Сердце

колоотилось в ребрах, а в голове билась одна-единственная мысль. Шанс. Вот он. Мой шанс на побег. Пока он занят, пока весь мир сузился для него до этой поляны...

Я уже потянулась к ручке дверцы, но ледяной голос разума заорал прямо в ухо.

«Бежать? Куда, идиотка?! В лес, в этом платье, тряпичных туфлях, без еды и денег? Чтобы сдохнуть в первой же канаве или стать обедом для волков? Гениальный план, Марина!»

Опасность знакомая или неизвестность, которая гарантированно тебя убьет? Выбор, если честно, так себе.

Я осталась.

Последний нападавший попытался удрать. Дэонар лениво протянул руку в его сторону. Бело-голубая вспышка — и беглец замертво рухнул с коня.

Тишина. Резкая, оглушающая.

Дэонар подошел к карете. Достал из кармана белоснежный платок и медленно, методично вытер с пальцев чужую кровь. На его одежде — ни пятнышка. Дыхание — ровное. Будто не бойню только что устроил, а на утренней прогулке бабочек ловил.

Он сел напротив. И криво усмехнулся, глядя мне прямо в глаза.

— Умница. А я был почти уверен, что ты сбежишь.

Я не ответила. Да и захотела бы — не успела.

Низкий, нарастающий гул проник сквозь стенки кареты, заставив меня снова напрячься. Снова стук копыт.

Дэонар выглянул наружу, и только когда всадник вынырнул из-за поворота, мускулы на его лице чуть расслабились. Совсем немного.

— Рэйв, — бросил он мне и вышел из кареты.

На этот раз оставаться внутри я не хотела. поэтому мышью выскочила следом.

На вороном, взм

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.